

Модный Свѣтъ

иллюстрированный журналъ
для дамъ

Годовая цѣна I-го изданія:		Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“	Годовая цѣна II-го изданія:	
Съ 12 раскрашенными картинками:		вызодить въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 политическими рисунками въ текстъ, съ 12 ластями выкроекъ, 12 вышивками выкройки изъ натуральной шелку и 12 изъ 24 раскрашенными картинками парижскихъ модъ.	Съ 24 раскрашенными картинками:	
Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	4 р. — к.	Обязаніе въ журналъ „Модный Свѣтъ“ принадлежитъ въ Петербургъ Редакціи и выписки плата за такую по 10 к. за строчку копирала, или за ее мѣсто.	Съ доставкой	5 р. — к.
Съ доставкой	5 . 50 .		Съ доставкой	6 . 50 .
Съ пересылкою въ другіе города	6 . — .		Съ пересылкою въ другіе города	7 . — .
СОДЕРЖАНІЕ: За трюмъ и жили. Историческій романъ Гюлать. (Продолженіе).—Планы въ шпигли. (Продолженіе).—Центръ Каппара. Фантастическій рисунокъ. (Продолженіе).—Берзла, Абиссинская немолва.—Некрологъ.—Фельетонъ.—Продолженіе описанія русскою № 9.—Облава.—Отъ редакціи.				

СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гилляна. (Продолженіе). — Писемъ изъ провинціи. (Продолженіе). — Царь Кавказа. Фантастическій рассказъ. (Продолженіе). — Бергала, Абиссинская невольница. — Искусство. — Фельетонъ. — Продолженіе описанія рисунковъ № 9. — Объявленія. — Отъ редакціи.

За тронъ и жизнь.

историческій романъ Гилляна.

(Продолженіе).

IV.

Кильбурхауэ.

Въ ельскомъ домѣ Гудденфорда начинался веселый ужинъ. Король Вильгельмъ, раздѣливъ добычу и накормивъ собакъ, садился за гостеприимный столъ, украшенный простыми, но вкусными блюдами. Гости за здоровье короля смѣшались съ говоромъ охотниковъ; это была одна изъ тѣхъ ирришекъ, которыя напоминаютъ о добромъ старому времени Англіи.

— Ваше величество! сказалъ лордъ Арундель, подпоса королю большой бокалъ. Я очень радъ, что могу отъ чистого сердца поднести этотъ напитокъ вашему величеству.

Шумъ на мгновенье затихъ, всѣ напряженно смотрѣли на короля. Всему обществу было известно, что лордъ Арундель стоялъ во главѣ противниковъ короля, но подъ вліяніемъ могущества и величія Вильгельма, онъ покорила. Арундель былъ могущественнѣйшимъ лордомъ, не только въ Суссексѣ, но и во всей Англіи.

— Я, съ своей стороны, очень радъ, милордъ, что могу отъ всей души отнѣсти вамъ на ваше пріѣзденіе, сказалъ король, чокаясь своимъ бокаломъ. Когда благородный противникъ дѣлается другомъ—это величайшая изъ побѣдъ и сегодняшній праздникъ для меня двойной пріятенъ.

Арундель пожалъ протянутую руку короля; — раздались радостныя пріѣзденія.

— Пустъ исчезнутъ между нами всѣ недоразумѣнія! вскричалъ король. Я подаю пріѣмъ доверія моимъ подданнымъ— почему же есть еще люди, которые во мнѣ сомнѣваются?

— Это дурной подвѣтъ отъ негодныхъ семянъ, разсеваемыхъ чересчуръ усердными, но безтактными друзьями, сказалъ одинъ гость.

Король и стоянье подѣлъ его посматривалъ на говорившаго. Это было старикъ со строгими, но

благородными чертами лица. Онъ не участвовалъ на охотѣ, и явился только къ ужину.

— Кто вы такой, сэръ? спросилъ король.

— Меня зовутъ Джонъ Бойль.

— Лордъ и кавалеръ, быстро прибавилъ лордъ Арундель. Католикъ, но хорошій человекъ.

— Пріѣзствую васъ, лордъ Бойль! вскричалъ король. Вы изъ тѣхъ, которые имѣли съ епископами подписали адрель въ мою пользу?

— Точно такъ, ваше Величество.

— Что же вы разумѣете подъ негодными семенами?

— Есть люди, утверждающіе, что ваша вѣротерпимость только кажущаяся. Будто бы вы не доверяете ни кому изъ католиковъ, потому что, за немногими исключеніями, считаете ихъ за заговорщиковъ противъ васъ, способныхъ пустить въ ходъ ядъ или кинжалъ, — сѣмью проговорилъ лордъ Бойль.

Король, видимо смущенный, печально покачалъ головою.

— Къ сожалѣнію, вы, кажется, правы, Бойль, сказалъ онъ. Мнѣ уже не разъ сообщали объ этомъ подозрѣніи— такъ, пѣсалью часовъ назадъ, одинъ человѣкъ говорилъ мнѣ въ такомъ-же родѣ. Клянусь вамъ, что я ни къ кому не имѣю недобрыя! Я провозгласилъ свободную всенную религію, когда пріѣхалъ въ Англію, и сдержу свое слово!

— Это благородно, государь! вскричалъ Бойль.

Но отчего бы вамъ не доказать на дѣлѣ вашихъ благородныхъ мыслей. Часто маленькія дѣла имѣютъ большое значеніе для пріобрѣтенія любви подданныхъ; отчего, ваше величество, во все время путешествія, ни разу не переночевали въ домѣ подданнаго вамъ католика? Это обстоятельство кажется вамъ довольно страннымъ.

— Вы правы! вскричалъ король. Но у меня не было намѣренія обходить благорасположенныхъ ко мнѣ людей. Я радъ гостеприимству католиковъ, моихъ подданныхъ—назовите мнѣ одного, у котораго я могъ бы остановиться на завтрашнюю ночь. Я хочу показать, что не думаю избѣгать папистовъ.

Бойль съ минуту подумалъ.

— Здѣсь, недалеко, есть помѣстье Кильбурхауэ, сказалъ онъ. Хозяинъ его, сэръ Пендер-

грастъ, католикъ. Онъ будетъ радъ возможности принять ваше величество.

— Хорошо! Завтра я буду просить у него почета.

— Государь, сказалъ лордъ Арундель, понизивъ голосъ, я очень радъ вашему намѣренію— но сдѣлаетъ кое-что обязуютъ. Пендерграстъ не только католикъ, но и ревностный сторонникъ падшаго короля Якова. Онъ, конечно, ни на что не обмѣнится, но все таки нехотѣя зыблеть.... Ходятъ разные слухи о заговорахъ....

— Ха! ха! ха! опять старая пѣсенка, смѣялся король. Я больше не вѣрю ей. Въ Парламентѣ, конечно, существуетъ противъ меня оппозиція— такъ и сдѣлаетъ быть—я люблю споры за и противъ, но о смертномъ заговорѣ никто не помышляетъ. Пендерграстъ католикъ, даже якобитъ—пускай себѣ: если онъ не откажетъ мнѣ въ почете, то завтра я буду спать подъ его кровлей и даже.... назовите мнѣ какое нибудь селеніе, ближайшее къ помѣстью.

— Флэггъ-Пайденъ.

— Хорошо. Мои свита и лейбъ гвардейцы останутся въ Пайденѣ, я же поую въ домъ католика-якобита Пендерграста, чтобы показать, что не имѣю ни боязни, ни недобрыя къ моимъ подданнымъ католикамъ.

— Да здравствуетъ король Вильгельмъ! радостно вскричалъ Бойль. Завтрашніа трубы и оглушительные заливные томы пріѣзствовали намѣреніе короля.

— Генрихъ Гоббартъ, сказалъ король, познать лейбъ-гвардію, я долженъ меня извѣстить. Узнай дорогу въ Кильбурхауэ и отправляйся туда. Я хочу просить сара Пендерграста приготовить для меня комнату съ постелью и ужинъ—но только для меня одного, потому что я хочу спать въ домъ якобита безъ всякой стражи.

Генрихъ, при имени королю ему известнаго Кильбурхауэ, не могъ скрыть своего волненія.

— А, смѣлся король. И ты опасаться? Тебѣ также представляется всюду кишатъ якобитовъ? Ты думаешь, что я могу поспѣть въ лапы заговорщиковъ? Ничего! я буду рисковать. Завтра утромъ ты доложишь обо мнѣ сэру Пендерграсту. Я буду въ это время здѣсь, въ домъ Гастингса. Принеси мнѣ отвѣтъ. Ты можешь сдѣлать твою фор-

му, если она кажется тебѣ неудобною для визитовъ.

Король снова обратился къ своимъ собесѣдникамъ. Генрихъ вышелъ.

— Странная судьба или счастье влечутъ меня въ этотъ домъ, бормочетъ онъ. Я хотѣлъ избѣжать его — и долженъ идти туда. Марі! Марі! что-то мнѣ предстоитъ!...

Въ сторону отъ проселочной дороги, идущей въ Ріе въ Гуденсфордъ, лежитъ помѣстье Билъ-бурхауза, почти что въ четверти часа расстоянія отъ Фленс-Планденъ. Помѣщій домъ представлялъ зданіе, архитектуру напоминавшее XV вѣкъ, но извѣстные послѣдніе владѣльцы. Съ одного изъ балконовъ дома, на восточной его сторонѣ, можно было видѣть Фленс-Планденъ и проходившую подлѣ него дорогу, которая терлась въ кентскихъ лѣсахъ. На этомъ балконѣ, установленномъ мягкою мебелью, сидѣли двѣ дамы. Одна очень старая, другая же молодая дѣвушка, лѣтъ двѣнадцати. У старой дамы было строгое, серьезное лице. Темное платье, бланый, простой чепецъ, изъ котораго выдавался рѣзко очерченный, пергаментнаго цвѣта съ бесчисленными морщинами лобъ, придавали ей видъ монахини аскетки, прошедшей всю свою жизнь въ благочестивыхъ занятияхъ. Молодая женщина была одѣта также въ темное, но со вкусомъ. Изъ подъ широкаго воротничка выдавалась часть красной шеи, на которой сидѣла прелестная, окаявленная темными локонами, головка. Черты лица молодой женщины можно было назвать прекрасными, только постоянная печаль выражалась въ ея глазахъ съ длинными ресницами и цвѣтъ лица былъ блѣдный.

— Пора звать мужчинъ, сказала старуха. Арнохъ ужъ нагрѣлъ столъ.

Она поджала — молодая женщина также встала, но остановилась на минуту и со вздохомъ посмотрѣла въ окно.

— Элла! Элла! произнесла полупонотомъ старуха, не будь такъ задумчива — покажись Георгу Веселой, онъ засмущиваетъ этого.

— Бабушка, сказала Элла, быстро оборачиваясь, мой вздохъ относится не къ Георгу, а къ моему брату Марі.

— Гм, промолвила бабушка; я понимаю твою любовь къ сестрѣ, но она заслуживаетъ только половину такой любви. Развѣ я не потеряла своей сестры? развѣ миссъ Рахиль, моя родная сестра, воспитанная въ католической вѣрѣ и приверженности къ дому Стюартовъ, — развѣ она не сдѣлалась отступницей и сторонницей протестантовъ и орланъ?

— Да, да, бабушка — но зачѣмъ же она ушла съ собою и мою Марі?

— Потому что и Марі также сдѣлалась отступницей. Миссъ Рахиль совпала съ — и, такъ какъ соглашеніе между нами было не могло — то мой миссъ, твой отецъ, рѣшилъ очень благоразумно, предложивъ дочери, не принадлежавшей въ истинной релігіи и дому Стюартовъ, съ ея безвѣстной теткой оставить нашъ домъ — это было вѣстѣ и ихъ желаніе, — онѣ обѣ захотѣли уйти. Есlibы Марі столько же любила тебя, какъ ты ее, то она не ушла бы, но она сама то...

— О, бабушка, не преслайте ее — она ушла, потому что ей сердце было разбито. Будущи еще очень молодою, она полюбила Генриха и когда ему отказали, моя сестра навмѣлилась. Она сдѣлалась тихой и сосредоточенной, протерпѣла еще годъ — и ушла съ теткой Рахиль. Ты никогда не понимала ихъ.

— Итъ, итъ, перебила ее старуха, я вѣрная католличка и аскитка. Съ новыми государями настъ постигло несчастье, эти голландцы богохульный народъ. Они же въ тысячу лѣтъотъ которыхъ то году уничтожали въ церквахъ образъ, разрушали алтари; они аскиты и другіе вѣроотступники пришли изъ Голландіи; въ Гатъ они напечатала богохульные книги противъ папы и церк-

ви — и изъ нихъ-то выбрали англичане короля, извергнувъ законнаго государя.

Дверь изъ приглашенной комнаты отворилась и вошла двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, сэръ Джонъ Пейдерграссъ, былъ средняго роста, съ строгимъ, но добрымъ лицомъ. Другой былъ высокій, стройный молодой человекъ. Его оченъ умное, пріятное лицо, носившее на себѣ слѣды не правды жизни, находилось въ постоянномъ движеніи, какъ будто онъ все чего-то искалъ глазами. На его тонкихъ губахъ и подбородкѣ пробѣгала пуншотъ. Общее впечатлѣніе, производимое Георгіемъ Портеромъ (это былъ онъ) можно было назвать пріятнымъ. Элла поспѣшно подошла къ отцу и почтительно у него руку.

— Вы оченъ долго заботились наверху, сказала она, протягивая руку Георгу.

— Мы хотимъ закутить. Арнохъ сегодня выудилъ изъ большого пруда прекрасную рыбу.

Всѣ четверо пошли къ столу. Лейей и служанка подали кувшины. Джонъ Пейдерграссъ произнесъ молитву; всѣ перекрестились, сказали аминъ и сѣли за столъ.

— Вы были въ Ольдъ-Ромней, Георгъ? спросила Элла.

— Не даго. Я хотѣлъ тамъ остаться подольше, но гнусное зрѣлище производило на меня тяжелое впечатлѣніе, сказала Георгъ.

— Оченъ такъ веселились? спросила мистрисъ Анна, бабушка.

— Къ сожалѣнію. Этотъ орланъ былъ пріятенъ, какъ Богъ. Все निकоло. Поэтому я умѣлъ пораньше и явился сюда. Сегодня Уэвернаторъ въ Гуденсфордъ.

— Король такъ близокъ? спросила Элла.

— Да. Чистое бѣзуміе со стороны этихъ людей принимать его у себя.

— Мнѣ оченъ хотѣлось бы посмотрѣть развѣзъ на короля, сказала Элла.

— Элла! вскричала старуха. Что за удовольствіе видѣть этого еретика!

— Ношете, мама, замѣтилъ Пейдерграссъ. Для меня оченъ приятно желаніе дѣвочки взглянуть на человека, о которомъ говорить всѣ слѣды. Не смотря на мою вражду къ орлану и досадѣ, съ которой я смотрю на удачный исходъ его предпріятій, я все таки долженъ сознаться, что онъ преумная голова.

— О, я того и жду, что ты повѣсишь его портретъ въ нашей галлерей, сказала старуха. Этотъ пагубный ошибочный взглядъ долженъ быть искорененъ развѣ навсегда — ни одинъ вѣрный почитатель истиннаго ученія не долженъ знать орлана.

— Мама, кто говоритъ противъ этого — я вѣрный другъ Стюартовъ, но...

— Если прибавляешь — но — то ты не другъ Стюартовъ. Ты долженъ безразлично и не колеблясь дѣйствовать въ пользу того истиннаго государя и восхвалять врага и разбойника въ присутствіи дочери — непростительно. Развѣ не мало ты перенесъ горя отъ отпаденія одной дочери? Развѣ не ужасно, что я потеряла мою сибуту съ толку сестру? О, моя милая дочь, твоя скончавшаяся супруга не успокоится въ гробу, пока ты будешь проповѣдывать такіа истинны.

(Продолженіе бытія).

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

(Продолженіе).

IV.

Что случилось вечеромъ.

Въ замкѣ кончили ужинъ, всѣ собирались разойтись по своимъ комнатамъ и, кто стоя, кто сѣдя, кто съ зажженою свѣчю въ рукѣ, окаяничая начатой за столомъ разговоръ. Въ эту ми-

нуту въ комнату вошелъ сауга и доложилъ, что изъ деревни пріѣхалъ мальчикъ.

Это извѣстіе обратило на себя всеобщее вниманіе и любопытство.

— Мальчикъ изъ деревни? Зимой, въ тауни, такое неожиданное явленіе — это цѣлое событіе.

— Мальчикъ изъ деревни? съ удивленіемъ спросилъ графъ, что ему надо? или кого ему надо?

— Это сынъ трактирнаго хозяина. .... и .... бормоталъ сауга, какъ бы стѣснялся высказывать то, о чемъ ему вѣстно доложить, и .... онъ желаетъ видѣть господина графа....

— Мнѣя? съ удивленіемъ спросилъ графъ. Графиня Дина, возмознованная, вѣстѣе со стуга. Графиня Мирта коварно улыбается.

— Что значить такая таинственность? точно явленіе пажа въ финалѣ перваго дѣйствія Гугено-товъ.

— Это становится любопытнымъ, говоритъ Винаго; веи его сауга.

Блѣзурной французики не было въ комнатѣ, она ушла Мазу спать, — будь она свидѣтельницей этой сцены, она навѣрно бы сказала:

— Une véritable aventure!

Сауга, ожидавшій, что ему прикажутъ вытолкать мальчишку изъ двери, оченъ удивленъ этимъ приказаніемъ а худъ, останавливается въ дверяхъ, чтобы переспросить.

— Сюда прикажете принести его?

— Можеть быть этотъ прекрасный пажа имѣть къ тебѣ тайное порученіе, говоритъ, улыбаясь, графиня Дина, прими его лучше одинъ, Бибя.

— Итъ, итъ! со смѣхомъ отвѣчаетъ графъ. Я хочу удовлетворить общее любопытство. Веди мальчишку сюда.

Посланный, хорошенькій двѣнадцатилѣтній мальчикъ, ходитъ; онъ сконфуженъ, но не хотѣтъ назваться смѣлымъ.

Графъ снова сѣлъ въ кресло, жена помѣстилась подлѣ него. Графиня Мирта и Винаго пожарились мальчишка глазами.

— Та женщина.... съ ребенкомъ... выговариваетъ наконецъ смущенный отецъ.

Секунда молчанія; за ней общій громкій хохотъ мѣшаетъ договорить начатую фразу. Мальчикъ, еще болѣе смущенный, молчитъ.

— Voilà ce qui devient intéressant! замѣчаетъ тетюшка Мирта.

— Какая же женщина? спрашиваетъ графъ.

Мальчикъ оправился уже отъ смущенія; ему досадно за свою невольность и онъ уже смѣло говоритъ:

— Женщина, у насъ въ трактирѣ, она пришла пѣнкомъ съ ребенкомъ на рукахъ, она промочка до костей, все платье изорванное, морозе, холодъ выжили. Она хотѣла провести у насъ ночь и послала меня съ господиномъ графу, и просить господина графа пріяти къ ней сегодня же.

Смѣющіеся лица превращаются въ серьезные. Слова мальчика видимо интересуютъ всѣхъ.

— Voilà ce qui est étrange! шепчетъ про себя тетюшка. Винаго смотритъ немного насмѣливо на графа. У графини Дины сердце замерло въ груди.

Графъ, замѣтно поблѣднѣвъ, быстро говоритъ мальчику:

— Что это за вадоръ, какая женщина? что ей отъ меня надо? какъ ее зовутъ?

— Она не сказала своего имени, она думала, что господинъ графъ навѣрно пріидетъ, узнавъ, что его зовутъ женщина.

— Твоя любезность вѣстна не только въ высшемъ кругу женщинъ, но даже и между нищими, когда замѣчаетъ графиня Дина; въ годѣе ей звучитъ какая-то странная нота, и взглядъ ея глазъ не гармонируетъ съ улыбкой, сопровождающей послѣдній слогъ.

Графъ смѣло изволнованъ и недоволенъ.

— Убирайся къ чорту съ твоей сумасшедшей женщиной. Кто за дерзость звать меня такъ поад-

но въ трактир! Ступай назадъ и неси ей придти завтра утромъ ко мнѣ или скажи свое имя. — Графъ никакъ еще не говорилъ такъ грубо.

Графиня Дина положила свою руку на плечо мужа:

— Ты думаешь это кто нибудь изъ твоихъ знакомыхъ, Бибю?

Графъ взглянулъ на жену и сердитымъ тономъ проговорилъ:

— Я, кажется, не имѣю въ знакомствѣ женщинъ, шлющихся по ночамъ.

— Ступай, прибавилъ онъ, обращай къ мальчику.

Мальчикъ въ дверяхъ столкнулся съ французской, которая шла проститься съ хозяевами и гостями. Странная лица всей компаніи удивились; удивленно-вопросительный взглядъ ее глазокъ переходилъ отъ одного къ другому.

— Желалъ бы я знать, кто такъ безцеремонно съ тобой обращается, сказалъ въ полголоса Винако; пытайся спросить на графа.

Тетушка заинтересована еще болѣе.

— C'est s'embrouiller! Что это значитъ, Христианъ, кто бы это могъ быть? Проще всего сашкомъ загадочно, чтобы оставить его безъ вниманія. Какъ ты думаешь Дина? А?

Графиня Дина подошла къ ней и медленно поцѣловала ее въ лобъ.

— Конечно, проговорила она, тебѣ, Христианъ, сѣдуетъ пойти и узнать въ чемъ дѣло. И тебѣ не задерживая. И пойду спать; у меня болитъ голова. Прощайте тетушка! Прощайте Винако. Покойной ночи мадемуазель Тереза. А ты, Бибю, сегодня же сходи въ деревню. Тебѣ такъ проситъ придти; сходи вмѣсто прогулки. Завтра за кофе я бы хотѣла знать всѣ подробности этого происшествия.

— Что за фантазія! моя мамка, сказала графъ; теперь только 9 часовъ, а ты уже идешь спать. Мы могли бы еще поиграть въ карты.

— Что касается меня, Христианъ, проговорила тетушка, то вы меня извините, я должна написать сегодня еще два письма. Дина, пойдемъ вмѣстѣ. Господа! покойной ночи.

— Сыграйте хоть въ шахматы, Винако, сказалъ графъ.

Дамы ушли, мужчины остались вдвоемъ въ комнатѣ.

— А, mauvais sujet, что у тебя за исторія съ этой женщиной? немного ничинчо спрашиваетъ Винако, глядя графа подъ руку.

Но графъ, спокойно смотря ему въ глаза, отвѣчаетъ: вѣроятно, это какая нибудь прителепьяна, болѣе ничего. Однако, будемъ же играть въ шахматы.

Графиня Мирта проводила племянницу до ея комнаты. Она съ настоящею требовала, чтобы Дина привладала въ головѣ лонгичи лимона, — единственное средство противъ мигрени. Дина отказалась отъ всякихъ лекарствъ, а просила только оставить ее въ покоѣ. Навязчивая тетушка не прежде вышла изъ комнаты, какъ привладала въ головѣ племянницы лимона и уложила ее въ постель.

Въ своей комнатѣ графиня Мирта была встрѣчена горничной или, нѣтъ, не горничной, потому что у богатыхъ, злыхъ старухъ дѣл не бывало горничныхъ, имъ прислуживаютъ тѣя-же злыя и старая дѣвы, какъ и онѣ сами, и эти приближенныя къ нимъ личности знаютъ всѣ тайны и замыслы своихъ господъ. Наперсницу беззубой графини звали Порцъ. Послѣ смерти графини она должна получить все движимое своей госпожи и тогда хочетъ выйти замужъ за старика канцелярскаго служителя.

— Нѣтъ, Порцъ, нѣтъ, я еще не буду раздѣваться, говорить дѣлаю по комнатѣ, графиня. Послушайте, пошлите сейчасъ же грума въ деревню, въ трактиръ. Пусть онъ распростираетъ трактир-

шину о незнакомствѣ, упадетъ откуда она и какъ ее зовутъ. Да скажите, чтобы хозяинъ никуда не отпущалъ ее. Завтра утромъ я снесу хозяйкѣ платеры, который ей обѣщала, и посмотрю на эту женщину; если она бѣдна, можетъ быть можно что нибудь для нея сдѣлать. Имя онъ долженъ узнать непременно сегодня; я буду ждать отвѣта.

Проговоривши этотъ потокъ словъ, графиня вышла изъ парна маленькую табакерку, по стучала по крышкѣ своими ступорными пальцами, которые при прикосновеніи къ дереву издали звукъ кастаньетъ и съ наслажденіемъ попила табакчу.

Въ комнатѣ графини Дины происходили не болѣе спокойная сцена. По уходѣ тетушки, графиня встала съ постели и сбросила лимонные лоскутки.

Ея камерфрау Сузи, видъ себя отъ гнѣва, за такое нарушение порядковъ.

— Пошлите, Сузи, кого нибудь въ деревню, говоритъ графиня.

— Это зачѣмъ? спрашиваетъ Сузи.

Графиня, надѣвая перчатки, старается спрятать свое лицо, чтобы скрыть смущеніе.

— Нѣтъ... что я говорю... а хотѣла сказать... пошлите кого нибудь въ стодолу, посмотрѣть уполнъ ли въ свою комнату трафъ... можетъ быть, онъ пошолъ прогуляться...

— Что же, если его нѣтъ?

— Тогда... тогда попросите Винако прислать мнѣ его заперевшійся канал.

Въ гостиной оба кавалера продолжаютъ игру. — Шахъ и матъ, говоритъ графъ.

— Это сущая случайность — твой выигрышъ, потому что ты никогда не играешь такъ расчисленно, какъ сегодня, замѣчаетъ Винако.

(Продолженіе будетъ).

ДЕЗАРЬ КАПАРРА.

Фантастическій разсказъ.

(Продолженіе).

Въ слѣдующіе дни произошло вотъ что. Всюду, гдѣ бы онъ ни бродилъ съ цѣлымъ или случайно, ему всегда попадались Миріамъ и Саади. Капарра встрѣчалъ ихъ нѣсколько разъ въ день. Обѣ женщины, повидому, уже наизусть знали точно путь, по которому онъ пойдетъ.

Казаось, онъ рѣшился провонать его и не теритъ изъ виду, не смотря ни на какіе обходы и уловки, которыми онъ дѣлалъ безостановочно.

Но крайней мѣрѣ, такъ надо было предполагать; надо думать, что онъ шагъ за шагомъ сдвигался на нѣмъ; иначе, какому образомъ, по нѣскольку разъ въ день, онъ всегда являлся на томъ углу, который ему приходилось обходить, или стояли неизменно у стѣны старой мазанки, странность своей архитектуры непременно привлекшая его вниманіе.

Другое явленіе, еще болѣе удивлявшее его, было то, что, не смотря на старанія заставить ихъ принять деньги, онъ всегда получалъ отвѣтъ съ гордостью, необъяснимую у такого существа, какъ Саади.

При этомъ, она загадывала на него холодно и прижимала къ себѣ дочь, которая грустно опускала свои длинныя рѣсницы.

Капарра уходилъ въ изумленности и видѣлъ, какъ дѣй женщины слѣдовали за нимъ до самаго дома Матеуса.

Эта странная загадочность не давала ему покоя. Эти двѣ женщины казались ему демонами

свуйи. Вывѣстъ съ тѣмъ, онъ нарушалъ однообразіе его прогулокъ. Постоянное повтореніе такихъ встрѣчъ не могло быть случайно. Очевидно, тутъ была приложена воля..., отъ него чего то добивалась....

Онъ старался угадать, что именно; это его безпокоило, утомляло и наконецъ онъ рѣшился распрощаться Саади.

Сауадъ не заставилъ себя долго ждать. Весь слѣдующій день ему никто не встрѣчался.... Подъ вечеръ, онъ возвращался домой черезъ кварталъ, состоявшій изъ замаскированныхъ, сырыхъ развалинъ, освѣщаемыхъ лучами заходящаго солнца, на подобіе король сожженного хѣба.

Меланхоличъ начинала овладѣвать имъ; онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ вдыхалъ вѣхъ запаховъ, исходившій изъ груды хижинъ.

— Странный запахъ въ этомъ городѣ, произнесъ онъ въ саухъ.

— Это благоуханіе смерти; ты начинаешь ихъ любить Капарра, произнесъ строгій голосъ.

Капарра быстро обернулся. Обѣ женщины стояли передъ нимъ.

— Опилтъ ты, кажется, играешь со мной въ прятки, старая. Мнѣ неспроста чувствовалъ всюду за собою твою загадочную фигуру, точно живую тѣнь. Чего тебѣ надо?

— Ты знаешь хорошо!

— Говори яснѣе. Чего ты хочешь?

— Того, что ты бы обмани.

— Что же и обманѣла, глупая цингара, сказала нетерпиво молодой чернотѣ.

— Вамъ сердце, добрый господи Цезарь, и при томъ все.... Отъ всего сердца, вы сказали....

Эта просьба выходила изъ рада предположеній. Съ минутой ему показалось, что цингара хочетъ заключить съ нимъ постыдный торгъ; но эта мысль пришла только на мгновеніе. Безостановочно старуха смолчала, сильно затруннуло его благородную тѣнь, чтобы онъ могъ долго оставаться при такомъ заключеніи.

Онъ переспросилъ съ любопытствомъ:

— Но сердце.... это много и вмѣстѣ съ тѣмъ мало.... Не попадаются ли тебѣ мое сердце для какого нибудь дьявольскаго снадобы, сказалъ онъ, сѣясь; не хочешь-ли произнести какой нибудь оупы, требующій непременно праздное сердце Цезаря Капарра, флорентійскаго дворянина? Говори-же!

— Вы сказали опилтъ, медленно произнесла Саади; да, опилтъ въ великой наукѣ, которой самыя простые элементы касаются земли, а глубокая истинны достигаютъ неистощимой высоты. Твое сердце, Цезарь, есть горячій огонь, ослѣпительный свѣтъ; ты можешь освѣтить душу, руководить ею, прилечь ее въ дѣлающее сіяніе твоей зѣлди; ты можешь вывести ее изъ круга тѣни и привести въ свѣтлый миръ. Беретисъ, Капарра! твой орелъ близътебѣ.... Сдѣлаешь-ли ты, что я у тебя прошу? отдашь свое сердце? Капарра слушалъ ее съ удивленіемъ.

— Все болѣе и болѣе непонятно, Саади; однако, же дай, который ты принаешь во мнѣ, надо чѣмъ нибудь доказать.... Но зачѣмъ онъ тебѣ?

— Посмотри на Миріамъ! прибавила старуха, помогая.

Цезарь отскакивалъ; если удивленіе можетъ олицетвориться въ позѣ, то онъ могъ служить отличному тому образцовъ, до того удивительно было видѣнное имъ.

Оно не имѣло ничего ужаснаго; но, несмотря на короткое знакомство съ произведѣніемъ художниковъ-мистиковъ, стоявшая передъ нимъ фигура превосходила все, что онъ когда либо видѣлъ на самыхъ лучшихъ страницахъ своихъ сочиненій.

Взвѣтъ Миріамъ, обхваченный руками матери, незаметно стремился къ нему, какъ вѣное тѣло подъ вліяніемъ неистощимаго притяженія. Голова, красноватый фонъ которой, ослѣпительный послѣднимъ лучами заходящаго солнца, переходилъ въ

золотую окраску, имѣла пресластное выражение. Она изображала безграничное обожаніе, от которого чудные глаза Мириамъ раскрылись по всю ихъ ширину.

Съ пристальнымъ и какъ бы угловатымъ взглядомъ, она видѣла небо въ глазахъ Цезаря и созерцала райскія видныя.

Грудь ея возмущалась отъ беспрестаннаго вѣханія широко раздувающимися ноздрями. Безъ поддержки матери, она упала бы предъ флорентинцемъ, какъ падаетъ въ тѣ бездонныя просторы, которыя являются только по снѣ.

Капарра не могъ понять этой удивительной страсти, выражающейся на лицѣ стоявшей передъ нимъ дѣвушки. Онъ не зналъ необыкновеннаго магнетическаго вліянія, производимаго имъ на этого ребенка. Сверхъ того, его занимала другая мысль.

Пораженный удивительной красотой Мириамъ, онъ хотѣлъ найти ей мѣсто между человѣческими породами, отъ неслыхъ типа, который никакъ ему не давался. Или Мириамъ азіатка или африканка? Онъ не могъ уѣхать и съ попростительными взглядами обратился къ Саиди.

Она показала безразлично головой и произнесла: — Ты не понимаешь ее, Капарра. Боюсь, что не поймешь никогда. Впрочемъ, тебѣ не долго придется ждать. Я только-что сказала, что ты начинаешь любить запахъ смерти. Черезъ нѣсколько дней тебѣ предстоитъ выборъ.... Прощай.

Старуха повела за собою дочь, которая шла медленно, съ трудомъ, какъ существо, разбитое тяжелой болѣзью.

Капарра долго еще смотрѣлъ на силуэты двухъ женщинъ, пока они не скрылись съ горизонтомъ; потомъ онъ оторвался къ Матеуцу.

Въ это самое время Гертруда плакала чудномъ, но уже не съ прежнимъ наивнымъ, раздумывая, какъ бы лучше купить кисей да рубиномъ, съ роскошнымъ букетомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ.... потому что такое украшеніе гораздо прочнее и опрятнее.

Капарра, очевидно, приближался къ безднѣ. Теперь уже это мѣняло рѣшимость отказываться отъ представлявшаго брака, который сулилъ ему вѣчную скуку. Эта странная нерѣшительность не могла быть объяснена иначе, какъ недостаткомъ воли: онъ воспылалъ въ мысли жениться на своей кузинѣ; его мать, умирая, завила ему эту мысль; разрушить всѣ эти ожиданія, вошедшія уже въ привычку, казалось ему съ каждымъ днемъ все болѣе безразсуднымъ.

Онъ показывалъ-ли бы онъ отъзвѣдъ лустымъ капризомъ? Развѣ Гертруда не была молода, румяна и съ состояниемъ, вполне соответствующимъ его положенію. Возражанія были очень тяжелы для его дѣльной натуры.

Между тѣмъ, такъ какъ воображеніе его требовало новой пищи, скука, испытываемая имъ подлѣ Гертруды, начинала принимать громадныя размѣры; онъ готовъ былъ убѣжать, оставивъ объяснительное писмо.

Къ сожалѣнію, онъ вѣдалъ грубое, матеріальное средство, чтобы избавиться отъ пристрастной скуки.

Цезарь уже очень давно зналъ по той дурной дорогѣ, про которую говорила старая Саиди: иноплатъ не было возможности: оставалось или вернуться назадъ или идти до конца. Вначалѣ видѣ старуху кварталею Молдау доставлялъ ему нѣкоторое развлеченіе; но онъ начиналъ уже терять свой интересъ; онъ зналъ всѣ углы, всѣ трещины на стѣнахъ; онъ считалъ всѣ лачмѣты, торчавшія изъ каждаго угла, придавая имъ живописный видъ.

Между тѣмъ, ему предстояло побѣдить не сильнѣе — это спокойное порожденіе пресмыченности, а безконечную плохонорію, яростную отъ неудо-

летвореннаго желанія. Утомившись, наконецъ, наблюдать странное населеніе, среди котораго Капарра прогуливался, какъ любитель въ кабинетѣ рѣдкостей, онъ захотѣлъ изучить содержаніе этой обочины и проникнуть въ тайны этой Тысячи и одной Ноци, рискуя въ одинъ прекрасный вечеръ наткнуться на похъ.

Место особенно эксцентричное, болѣе всего удобное для убійства несомнѣваемыхъ нечестно, потому что Капарра ничего подобаго не видывалъ, представлялъ единственный кабакъ Богемскаго квартала. Ужасное логовище, посѣщаемое людьми самыми развратными въ свѣтѣ. Но выбирать болѣе не изъ чего; требовалось разсѣяться.

Флорентинецъ помыслился въ одномъ углу и созерцалъ по цѣлымъ часамъ общество, составленное поистинѣй контрастъ съ тѣмъ, которое онъ посѣщалъ три мѣсяца назадъ. Въ Италіи его окружала роскошь самая пышная, обстановка самая артистическая.

Въ кабакѣ Молдау составлялись живныя картины, доступныя только мрачному воображенію живописцевъ времени возрожденія; такими арлекинами въ этой преследованій изъ черныхъ брентъ и потающихъ лампъ съ удовольствіемъ наслаждались бы демоны. Затѣмъ сдѣлалъ антрактъ въ мѣсясной обстановкѣ бургомистра.

Мы сказали, что Капарра нашло средство отъ скуки. Дѣйствительно, не смотря на благородную наружность, онъ не сохранилъ бы роль спойнаго наблюдателя, если бы лично не приобрѣлъ этого права нѣкоторую снисходительность.

Онъ, до нѣкоторой степени, сошелся съ окружающими его негодями, любилъ заставлять ихъ пить и самъ иногда ухаживалъ, съ трудомъ сохраняя вертикальное положеніе.

Нечувствительно онъ пристрастился къ кутежу, самому легкому средству отъ скуки. Этотъ процессъ, правда, уничтожалъ плохонорію и на время утомлялъ голову, что позволяло ему по раніе лечь спать, но другой пользы не было.

Помраченіе неизвѣстныхъ намъ элементовъ, составляющихъ мысль, никогда не проходитъ безъ названія. При этомъ умъ долженъ направить всѣ свои силы, чтобы не сбиться съ пути истины. Въ противномъ случаѣ, сознаніе падаетъ на такую губную, что время, потерянное на его возвращеніе, гораздо болѣе того, которое требовалось для приобретенья.

Капарра быстро опускался; если кому желательно знать, до какой степени они стаѣтъ непохожи на тотъ оригиналъ, который знали его флорентійскіе друзья, то стоить только присутствовать при слѣдующей снѣбѣ.

Былъ вечеръ. Онъ проходилъ черезъ общую заду Матеуса, навѣривался уѣти; Гертруда, начинавшая видѣть себя въ небреженіи, спросила, куда онъ идетъ.

— Я иду пить, отвѣчать онъ холодно.

— Итъ... постоите, мой кузенъ.

Нашивая Гертруда, не понимая этихъ словъ, направилась въ шкафу; Капарра схватилъ ее за руки.

— Не нарушайте такъ нашего обычнаго спокойствія, кровная Гертруда, я иду пить въ кабакъ.

— Въ кабакъ? повторила она машинально.

— Да, въ кабакъ... поймите, любезная кузина... Я иду пить, пить и пить... другими словами, яду въ тѣло руку вино, въ правую — бокалъ, палить и пить. Ясно ли вамъ? Не выучивайте такъ ваши болѣе голубыя глаза и не краснѣйте до ушей, все это безразлично.... Я иду палить въ мой желудокъ всевозможные сладкіе лихеры, пока они не наполнятся, какъ бочка.

Гертруда молчала. Капарра продолжалъ:

— Не старайтесь, немолчаливая и важная кузина, превратиться въ камень отъ моихъ словъ! Я иду, повторяю вамъ, чтобы приобрести полноту

бочки... Полагаю, что вы не упрекнете меня въ неадекватности, потому что не любите худшійшихъ людей. Я хочу сдѣлаться толще всѣхъ, ха, ха! Какъ славно мы поведемъ хозяйство, флорентійская Гертруда! Какіе пріятные вечера я придумаю... Вы будете палить чудномъ, я буду пить... И куплю вамъ фарфоровый букетъ, который вы будете чистить, мыть, держать въ чистотѣ... Мой носъ также развѣситъ, и будетъ стоить дорого... Это доставитъ вамъ удовольствіе, потому что полевые цвѣты вы находите слишкомъ дешовыми... Вотъ отчего ми хочется пить, со мной на дняхъ приключалась болѣзнь, которая да васъ будетъ ужасна... Да вы помните ли меня? Я опасался, судя по вашему виду. О! Гертруда, что за счастливая невеста вы будете часа черезъ два, когда воспоминаніе о васъ ступитъ предо мною въ видимый образъ изъ облаковъ вѣселаго дня болѣе!

Капарра могъ бы еще долго шутить въ этомъ родѣ, говори отрывисто и задыхался; но блыная Гертруда разразилась такими звучными рыданіями, что онъ выбѣжалъ, стыдась своей несправедливой аэзии.

Встрѣтивши его въ эту минуту, могъ бы замѣтить несправедливое выраженіе его лица. Онъ сознавалъ, что подло отомстил блондъ дѣвушкѣ за свою-же собственную глупость. Капарра не замѣчалъ, что аэе начало принимало въ его умѣ все болѣе обширныя размѣры.

Между тѣмъ, продолжая свой путь, онъ хорошо сознавалъ, что причинилъ серьезное горе беззащитному существу и притомъ несправедливо.

Надо допустить, что чувство доброты, побуждавшее его прежде къ великодушнымъ поступкамъ, должно было значительно уменьшиться; онъ не уступилъ желанію, побуждавшему его возвратиться и сказать доброе слово Гертрудѣ. Онъ колебался только съ минуту и отложилъ свое оправданіе до завтра.

Два часа спустя, флорентинецъ, написавшій болѣе обыкновеннаго, сидѣлъ въ углу кабака, сдерживая своева благородно, откровенно наружностью отвратительную руганью нищихъ, которые, съ ножами за поясомъ, очень походили на шайку разбойниковъ.

Нѣсколько прерывистыхъ, нездоровъ сказанныхъ имъ словъ вываливались всю эту толпу. Къ тому-же, убійства въ Молдау сдѣлались такъ рѣдки, что они рѣшились не выпускать добычу, представляющую въ видѣ неосторожнаго незнакомаго.

Опасность была очевидна. Кружкомъ убійцъ все болѣе служило вокругъ Капарра. Стѣсненныи въ это сочлово, гнѣвъ который переходилъ въ рыданіе, онъ, однако, не смотря на свой хвѣль, не измѣнилъ гордаго выраженія своего взгляда передъ палитыми кровью глазами, устремленными на него.

Еще минута, и молодой человѣкъ узналъ бы подъ полами окружающихъ его кулушницъ, въ это мгновенье послышалась сухой, звонкій голосъ, похоронившій всѣ остальные.

— Уберите свои кляксы, зубастыя твари, и уходите отсюда; у меня есть дѣло въ этому молодому сенюру.

При этомъ приказаніи, наступило глубокое молчаніе; Капарра увидѣлъ въ промѣжуткѣ, мгновенно образованномъ между нимъ и дерзкой, старую Саиди, медную къ нему между двумя радями потчительно стоявшихъ мошенниковъ. Она вышла за руки молодого человѣка и безъ труда вывела его изъ кабака.

(Продолженіе будетъ).

БЕРИЛА,

АБИССИНСКАЯ НЕВОЛЬНИЦА.

Секретная жизнь Востока еще съ древнѣйшихъ временъ закрыта отъ взоровъ наблюдателя непро-

нужныхъ взоровъ, становится уже нѣсколько прозрачнѣе, а въ высшихъ классахъ почти вовсе исчезаетъ.

Многолюдная улицы города Каифовъ ежедневно являютъ европейцу непривычное для него зрѣлище «Фантазии», т. е. торжественной процесси съ пѣніемъ и музыкой, въ средѣ которой безпомощно покачивается точно живая мумія. Это свадебное шествіе, а невеста маленькая, нѣрѣдко

двѣ сильныхъ женщинъ, для глазъ которыхъ оставлено отверстіе въ покрывалѣ, ведутъ невесту, съ которой не рѣдко дѣлается на дорогѣ оборотъ отъ духоты. За нею несутъ также родъ стула. Невѣсту ведутъ въ гаремъ ея новаго родственника и только тутъ дозволено ему будетъ увидать въ лицо свою избранницу. Счастье еще, что юность и невинность всегда имѣютъ свою долю прелести, а то разочарованія были-бы слишкомъ

Берилла, Абиссинская невольница. Оригинальный рис. В. Генца.

нидаемымъ покровомъ. Одна французженка, г-жа Олимпия Эдуардъ, въ своихъ Тайнахъ Египетскаго гарема, представила много ужасныхъ и трагическихкихъ картинъ, провѣрить которыя возможно будетъ, кажется, ужъ въ недалекомъ будущемъ. Въ высшихъ классахъ населенія, кулакъ, скрывающій лицо магометанскихъ женщинъ отъ любопытныхъ

двѣнадцатилѣтняя, дѣвочка, до того закутанная въ красную кашемировую шаль, что не остается ни одной щелочки. На этой безформенной массѣ сверкаютъ золотыя цѣпи со множествомъ монетъ и драгоценныхъ камней. У богатыхъ это составляетъ приданое, а у бѣдныхъ только плату за время необходимую принадлежность «фантазии».

части. Впрочемъ, Коранъ въ этомъ случаѣ милостивъ. Онъ дозволяетъ Правовѣрному четыре раза испытывать судьбу. Такое число законныхъ жонгъ, предоставленное пророкомъ своимъ послѣдователямъ, между тѣмъ, какъ самъ онъ имѣлъ ихъ одиннадцать. Нигдѣ блаженство любви не воспринимается такъ горячо, какъ въ Каирѣ и нигдѣ

я невидать столько процессовъ о разводѣ. Пусть философы попробуютъ согласить эти противорѣчія.

Вліяніе европейской цивилизаціи на Востокъ до тѣхъ поръ не получило настоящего значенія, пока не измѣнится социальное положеніе женщинъ. Съ этимъ положеніемъ тѣсно связано невольничество, которое хотя и уничтожено на бумагѣ, но въ практической жизни продолжаетъ существовать по-прежнему. Каждый зажиточный мусульманинъ имѣетъ по-прежнему невольниковъ, невольницъ, снухуновъ для охраненія гарема. Участіе невольниковъ, разумѣется, снисое, тѣмъ участіе прежнихъ сферверманскихъ рабовъ и потому-то стремленіе къ эмансипаціи здѣсь не такъ замѣтно. Въ-пущи, охраняла по преимуществу знатныхъ дамъ, достигаютъ высостѣхъ высокихъ должностей.

Хмекид Али, прозванный великимъ Пашою, съ помощью своихъ обученныхъ по европейскій войскъ, устраивалъ невольничью охоту въ Суданѣ, которая доставала ему деньги, сыдаты для арміи и названіе великаго цивилизатора. Каждый пашинъ дѣлался невольникомъ; кто послѣднее — зачисленъ въ сыдаты, только безъ жалованья. Какъ средство къ обогащенію, имъ давалось право ловить и продавать другихъ невольниковъ. Торговля невольниками пришла тогда громадные размѣры. Случалось такъ, что какой нибудь сыдате получалъ родного отца или сына себѣ въ невольники. Чаше всего, одинъ невольникъ доставалъ двоимъ и тогда его необходимо было обработать въ деньги.

Краткая исторія войны Берриды, портретъ которой мы прилагаемъ, послужитъ характеристикою этого времени.

Одинъ изъ египетскихъ военачальниковъ въ Хартумѣ, согласно предписанію Корана, отпустилъ на волю молодого абиссинскаго невольника въ праздникъ Воротъ.

Невольникъ боролся на свою родину, но не нашелъ въ живыхъ никого изъ родственниковъ. Шейхъ той мѣстности радужно принялъ его въ свой домъ, гдѣ въ немъ скоро принажились всѣ дѣла. Маленькая Беррида также очень полюбила его, бѣднаго, безроднаго, но онъ выдѣлъ въ красотѣ бѣдной дѣвочки только средство приобрести извѣстную сумму денегъ. Онъ намѣрился продать ее въ невольники и скоро представился для этого удобной случай. Жену шейха позвали къ большой матери, довольно далеко отъ дома; самъ шейхъ работалъ въ полев. Слѣды Бакара помѣстили въ дѣсу удобнаго случая похитить или заманить дѣтей черныхъ. Освобожденный абиссинецъ давно уже сговорился съ ними и теперь привелъ въ исполненіе заговоръ. Беррида добрычю и охотно поспѣдовала за извѣстнымъ по темнымъ дѣламъ тропинкамъ и такъ они дошли до засады, гдѣ Бакара съ быстрыми лошадьми ожидалъ добычу. Ни крики, ни слезы не помогли дѣвчонкѣ, которую прижали въ лошади. Четыре нокъ сразу свалили безъ отдачи своихъ игнестия нокъ, на которыхъ остались ключи одежды и кожи. Днѣмъ, похитители притаились въ извѣстныхъ мѣстахъ, но отецъ Берриды напалъ таки на настоящий путь. Предчувствіе заставило его обратиться въ ближайшемъ египетскомъ отрядѣ, начальникомъ котораго былъ знакомъ ему. Не оставалось ни днѣмъ, ни ночью, онъ добѣжалъ раньше похитителей и въ отчаяніи пустился дальше. Нѣсколько дней спустя, явившись и Бакара и самъ знакомый начальникъ шейха купилъ у нихъ дѣвочку, несчастіе и красота которой тронули его сердце. Изъ разсказовъ Берриды, онъ узналъ, что она дочь, но похитители были уже далеко.

Одинъ утер-офицеръ напалъ доставить Берриду въ родители на быстрыхъ верблюдахъ; но и его предстала возможность богатой выкупки. Онъ перемѣнилъ путь и повелъ дѣвочку на Каирскій базаръ. Въ Хартумѣ онъ думалъ съестъ на

кораблѣ, а до тѣхъ моръ предстояло десять дней пути по пустыни.

Едва оправившись отъ страданій и усталости, Беррида снова очутилась на трудномъ пути. Песчаное безбрежное море ожилалось только по временамъ невольничьи караванчики верблюдами съ тяжкимъ грузомъ сапожной кости. За исключениемъ дѣтей, со стороны которыхъ не опасались побѣга, всѣ невольники были заперены попарно въ деревянные яры и ихъ погоняли палками по песчаной дорогѣ. Многие буквально едва выжили нокъ.

Однажды, когда жаръ былъ до того силенъ, что даже верблюдамъ задремалъ отъ утомленія, Беррида вдругъ услышала трескъ и упала съ своего высокаго сидѣнья. Очнувшись, она увидѣла себѣ среди изосихшихъ мумій черныхъ людей, которыхъ Самуэль слегка прикрѣпилъ своимъ носу. Верблюдамъ наступалъ на грудь одного изъ нихъ и отсюда слышанный Беррилою трескъ.

Навонецъ, послѣ многихъ страданій, Беррида и ея похититель прибыли въ Хартумъ. Тутъ судьба какъ будто сжалася надъ несчастной. Тамъ же чиновники признали ея сипутиня за дезертира и посадили въ тюрьму. Дѣвчонку рѣшено было отправить съ первыми-же отрядомъ въ знакомому ей отцу, а пока ее поручили таможенному служавшему. Въ этой странѣ жила и обманъ вещи самымъ обманчива. Жена служавца устроила такъ, что Берриду похитили торговцы невольниками и увезли на кораблѣ. Три мѣсяца плыла она до Каира въ разорванной одеждѣ, спала на голомъ полу и терпѣла невыносимую пытку отъ вертикальных лучей африканскаго похужденного солнца.

Невольничьи базары въ Каирѣ, со времени номинальнаго уничтоженія невольничества, наблюдаютъ множествомъ потайныхъ угловъ для запрещеннаго товара. Въ одномъ изъ такихъ именно захолустіяхъ и прожила бѣдная Беррида, не найдъ ужъ на освобожденіе.

Измалъ Паша посылалъ парижскую выставку и принималъ у себя, при этомъ случаѣ, депутатію англійскихъ филантроповъ, которые желали выразить ему благодарность за уничтоженіе невольничества на востокѣ. Ходивъ горько жаловался имъ на препятствія его благимъ намѣреніямъ именно со стороны христіанскихъ торговцевъ невольниками въ Суданѣ.

Ангійское правительство упомоножало своего генеральнаго консула основательно разсмотрѣть невольничій вопросъ въ Египтѣ и сообщить подробнѣйшія свѣдѣнія. Консулъ съ живымъ интересомъ принялся за эту задачу. Давно знакомый съ языкомъ и правами Египта, онъ многократно свѣдѣ знакомство съ продажными невольниками въ Тантакѣ, выданаго себя за туземца. Отъ нихъ-то и узналъ онъ о существованіи скрытыхъ базаровъ въ Каирѣ. Съ этими свѣдѣніями, можно было пронаести ревную базаръ и потребовать освобожденія пашинчиковъ.

Въ числѣ освобожденныхъ оказалась и Беррида. Такъ какъ она была христіанка, то одно илмѣе семейство просило позволенія взять ее къ себѣ въ домъ. Будь она могометанка, египетское правительство едва-ли бы согласилось. Незвѣстно, что стало съ освобожденными могометанками. Такъ какъ египетскія кассы не имѣютъ рѣшительно никакихъ фондовъ для помощи такимъ несчастнымъ, то вѣроятно они очень скоро были опять проданы какому нибудь торговцу невольниками уже самими вѣстными властями. Чиновники въ Каирѣ не охотно вынустать изъ рукъ хорошихъ бакинши.

ропа. Слѣшкомъ рано скончался этотъ талантливый представитель русской музыки и многое могъ бы онъ еще создать и переждать въ русской оль; но такова роковая судьба нашихъ талантовъ: Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, всѣ были похищены смертью въ самый разгаръ своей дѣятельности. Въ отпаваніи собралось такъ много публики, что стояли не только въ перни и на паперти, но даже на самомъ кладбищѣ. Тутъ были рѣшительно всѣ представители искусства, множество литераторовъ и громадная толпа почитателей таланта покойнаго. Изъ Парской фамилии, на похороны присутствовали великій князь Константинъ и принцы Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. А. Н. Сѣровъ похороненъ рядомъ съ своимъ соратникомъ по искусству, Даргомыжскимъ. — А. Н. Сѣровъ скончался внезапно, во время разговора съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ. Въ день похоронъ, изъ Праги получена слѣдующая телеграмма:

«На гробъ знаменитаго Сѣрова, сочинителя неопычной «Рогатѣи», чѣшское студенчество издѣется вънѣшъ безсмертной славы. Студенческое анти-артистическое общество».

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Съ масленицы, многоважаемая читательница! И притомъ еще съ очень удачной, судя по ноготѣ. Для всѣхъ, чисто — масленичныхъ развлеченій, будетъ широкое раздолье: дорога для катанья на тройкахъ прекрасная; погода для гулянья съ настоящимъ русскимъ морозомъ, сѣдовѣательно, способствующая возбужденію аппетита и погощенію жарднаго количества пищи; балаганы Малозева и Берга обманутъ чудеса; театральныя афиши гласятъ объ утреннихъ и вечернихъ спектакляхъ. Сѣдовѣательно — нѣтъ только здоровье и деньги, такъ можешь окунуться по самую маковку въ море наслажденій.

Москва уже открыла карнавалъ костюмированныхъ балаговъ въ Благородномъ собраніи. На балъ собралось 1,800 человекъ и костюмы отличались большою роскошью. У одной дамы восточный костюмъ былъ весь вышитъ драгоценными камнями; у другой былъ пошъ изъ крупныхъ изумрудовъ; у третьей, одѣтой въ костюмъ «Зимней Ночи», сѣбяники и зѣвѣды изображалихъ жемчужны и крупными брилліантами и т. д., и т. д.

Но въ мірѣ, веселые и горе постоянно вѣстряются на дорогѣ. Вѣроятно, каждый изъ нашихъ читателей, сидя застѣнутымъ масленичнымъ завтракомъ, вспомнитъ, что въ нѣбода веселомъ, бѣспечномъ Парижѣ, теперь горе дами-бо за двадцатью долъ тѣхъ благъ, которыми наслаждались или хотъ просто питаемся мы въ настоящее время.

Вотъ, что разсказываетъ корреспондентъ англійской газеты, которому удалось, по особенному случаю, пробраться въ Парижъ тотчасъ послѣ канувшій:

«Въ столицѣ господствуетъ порядокъ и пристойность, въ соединеніи съ какинъ-то торжественно-суровымъ чувствомъ побѣды надъ обычными стремленіями въ демонстраціи. Улицы наполнены только военными; собственно жителей видно очень мало. Многія изъ лавокъ открыты, но многа и закрыты. Во всевозможныхъ мелочахъ нѣтъ недостатка. Вы можете получить все, кромѣ състныхъ припасовъ. Папитовъ сколько угодно; но, несмотря на то, я видѣлъ всего только одного пьянаго во весь мой путь отъ астаны до центра города. Състѣнные лавкамъ рѣшительно нечего выставлять въ окнахъ, развѣ только варенье, желе, консервы и проч., бодѣ-же существенные предметы гастрономіи блистаютъ своимъ отсутствіемъ. Въ одной изъ этихъ лавокъ я за-

НЕКРОЛОГЪ.

24-го января, на кладбищѣ александровско-невской горы, происходило погребеніе тѣла нашего даровитаго-композитора Александра Николаевича Сѣ-

милых, большие куски речества, которые очень походили на сусло: это были лошадиный жир. Блюдами всё заперты; передь масленными заплатами поставлены две ямочки. За то — о ужас! — как мы много похорон! Ода, две, три; колесницы: я встретил из чужих шесть на своем пути... Несчазливым, но сие еще больше затушилось внутри печалью, предстал предо мною Париж. Въ то же время, несмотря на всё бедствие и унижение, очевидно общее уважение къ самимъ себѣ; ни малѣйшей склонности къ бездѣльной болтовнѣ, ни малѣйшаго желанія бороться въ шумныя группы. Каждый шло своею дорогою, съ скромнымъ выраженіемъ въ лицѣ и какою-то робкою, невѣрною походкою. Цѣлая половина Парижа обращена въ госпитали...»

Послѣ такого грустнаго разсказа, мы считаемъ вполнѣ умиственнымъ привести воззваніе къ общей благотворительности здѣшняго французскаго комитета. Вотъ оно:

Комитет обращается ко всем соотечественным сердцам в России, всегда готовым к участию в деле благотворительности, и вновь убежден, что найдет в них содействие к облегчению судьбы бесчисленных жертв, повергнутых настоящей войною в крайнюю нищету. Милостиво, пострадавшим от военных действий, разоренным в конце; опустошению пришло в виду. Тысячи женщин, детей, стариков, раненых, больных, буждающих в отчаянии по нам, без всякого притока, умирая от стужи и голода. Зрящие раздирают! Мы умоляем всех сделать шаг к столь ужасным бедствиям и поспешить на помощь этим страждальцам. Сь губовою признательности мы будем принимать не только приношения деньгами, но даже обувь, старое платье, белье, подотопные и бумажные бандажи, шерстяные вещи — словом все, что может служить для превращения раи и одежды наших несчастных соотечественников. Облегчения, предоставленные обществами жезлвнху дорогах, для посылкою, отправляемых в комитеты пособия раненым, дозволяють нам принимать также чай, сахар, кофе, табак, мясо, солоное и конное мясо и другие съестные припасы, равно как и всякий зерновой хлеб для посылки. Во имя общечеловеческого долга, возмываем, бы братьям нашим, всех национальностей сь просьбою принять участие в деле человеколюбия, которому мы себя посвятили. Бог нам в помощь. Липа, желаящая пожертвовать предметы роскоши, приглашается заявить о сь письменно г. Роберу (Михайловская улица, дом № 3), который распорядится переноскою и упаковкою означенных вещей. Комитет будет давать ежемесячно отчет, как о доставленных ему приношениях всякого рода, так и о назначении, какое они получают. Председатель благотворительного общества Евгений Жибер.

Предсѣдатель комитета В. М. Севенъ.

Вот несколько адресов лиц, к которым могут быть адресованы пожертвования в Петербург: Е. Яббер, negociant (Галерная улица № 11); г-де Транштер, главное общество российских жемчужных дорог; Мисс № 81, Г-жа Аделаида Патти (маркиза де Ко) гостиница Демут, Г-жа Нанталь (Зимань), Михайловская площадь № 2; г-жа Лагранж-Белькур (Большая Коюновская № 13); г-жа Делантор (Михайловская улица № 3), г-жа Труба, содержательница пансиона (Екатерининский канал № 6); г-жа Стелла-Ромаш (Корвин-Круковская № 6); Большая Коюновская № 5; г-жа Ворьес, у Красного моста № 79.

Плѣнникъ Вильгельмъсказъ намоль, въ свою очередь, нужнымъ обратиться съ воззваніемъ къ французскому народу, «въ виду великаго несчастья, обрушившагося на страну».

разговорщиков! — говорит Наполеон III — я не желаю снова требовать у вас в настоящее время тех прав, которые вы могли добровольно предоставить четыре раза. В виду наших несчастий, итьте жёста для личного самоволья. Но до тех пор, пока народ не заявит свободно своей воли, я считаю себя обязанным обратиться к народу, как истинный его представитель, и скажи ему: «Все, что совершалось без твоего прямого участия — незаконно. Правительство, созданное верховной властью народа и умышленное создание выше егозона партии — одно только в состоянии исцелить ваши раны, возратить в ваши сердца надежду и открыть для молитвы ваши церкви, в которых совершалась кощунства; одно оно в состоянии возратить странъ трудя, счастье и миръ».

Оцѣнять-ли французы все *безкорыстіе* этого
воззванія или припомнить то, что сдѣлала ворона
въ баснѣ, лишившись сыра. Поживемъ, увидимъ!

Продолженіє описанія рисунковъ № 9

Рис. 54—56. Посевы того же среднего пелла, смотря по величине листа, окруженные 2-5 соединенными в пико дугами; дуги деляются посредством посторонней нитки. Число пико и узелков каждой посторонней дуги увеличивается по размеру. Для скрепления жозе. уз. вяжут также требующие пико; против двух меньших средних листьев, все листья украшают снаружи жозе. уз. Посторонней корнковой шелковой ниткой украшают стебель 12-15 д. уз.

[illegible]

57. Кофточка съ вышивкой.

Свободная мышковатая кочочка сделана из цветной фанеры; обрубленные края украшены нестрые турецкими бордюрами, вышитыми тамбурным швом. Несколько образцов бордюра были приложены в нашем журнале. В будущем номере будет приложена красивая выкройка кочочки.

58 и 48. Шарфъ-башлыкъ.

РАБОТА ВЪ РАМКАХЪ.

Матеріалы: $\frac{1}{2}$ фунта білої берлинської шерсті. 3 золот. цінної царської шерсті, насьма білого шезка.

[illegible][illegible]

60. Шляпка к жаряду для чуланы. Обтянутая гладко бархатом шляпка улана напереді буюб-образно перинтой ресновой и бархатной лентой на подобие бандо, прикрепленного внутри шляпки; бандо нашивается на подосу кривого тола, обшитого карнасом. Почти вся шляпка закрыта тусовою цветтой. Два конца изъ репы и бархата, обшитые внизу широкой бахромою, прикреплены искусно подъ втяжками. Ресновые ленты завязываются бантою подъ подбородкомъ.

61. Душегрѣйна.

Материалы: 1/2 фунта бѣлой бераньей шерсти, 2 золотинки стирокъ съ бѣзьями шерсти мѣстечками, 1 золот. черной бераньей шерсти, обвитой бѣзьями шелковъ.

[illegible]

65. Берта брелками

Отделят гербы из белого толстого маляна, шелкового кружева и голубой шелковой материи. Сначала основной дот толстого маляна по 13 цент. диаметру; у заднего, не много скошенного, края от выжить по 8 цент. на плечках 7 цент., а на скрученных кончиках спуска по 4 цент. В центре маляна, в окружении кружева, отделить 4 части, а на скрученных кончиках по 2 одинарным кружевом, в 7 цент. шириною. Ворота отшивается кружевом в 2 цент. шириною; за кружевом следует вышитая шелковая роза, состоящая из лопастных косых полей по 3½ цент. шириною; точно таким же образом нашиваются и следующие розы, явные явные полосы и вышитые цветы. Воротник и плечи вышиваются, а середина прикрашивается лопастной по середине той долой всего в 4 цент. шириною.

Объём части берты, по указанной рис. 63, сади скрываются несомненно стежками. Концы банта изъ мтерін имѣють 14 цент. ширины; бантъ состоитъ изъ четырёхъ петлей по $3\frac{1}{4}$ цент. величиною; короткія край концовъ, (не считая бахромы) въ 8 цент. шириною имѣеть 8 цент., а длинный 14 цент.

Почтовый ящикъ.

Елиза. Мих. С... в Одессу.—Письмо ваше получено. Постарайтесь прислать предлагаемую нами повесть; если не удастся, напишите нашему журналу, то будет помыслим.

А. Семенов в М.—Наши раскрашенные картины готовятся теперь в Брюссель; как только политическое отношение позволит, то таковыми будут попрежнему натаваться в Париж.

59—60. Двѣ шляпки.

59. *Шляпка для концертов или театра.* Форма шляпки кругом обшивается белой шелковой матері-

вышло и поступило въ продажу

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНІЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ Мануфактурной Выставки 1870 года,

изящный иллюстрированный альбомъ.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ

— 76 изящно исполненныхъ рисунковъ —

съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описаніе этихъ предметовъ; виды Выставки; замѣтки о лицахъ, представившихъ свои произведенія;

указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ наградъ и проч. и проч.

А Л Б О М Ъ МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКИ

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ

ВОСПОМИНАНІЕМЪ О МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1870 ГОДА

и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для послѣдней цѣли имѣются экземпляры въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями.

ЦѢНА АЛЬБОМУ ВЫСТАВКИ:

Безъ переплета и перес. 4 руб.; съ пересылкою 5 руб.

Въ коленкор. переплетѣ 5 руб.; съ пересылкою 6 руб.

Требуяи адресовать въ Контору Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» (Германа Гоппе), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Петербургѣ.

Издатель ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

(260)

Описаніе магазина м-яъ Лекуфле (Мал. Морск. д. № 5) о цѣнахъ его на новаго фасона юбки, кринолины и привилегированные корсеты, см. журналы 1871 г.

№ 2 и 6.

(257) 4—1.

РЪЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ продается въ Конторѣ Редакціи журнала «Модный Свѣтъ» у издателя Германа Гоппе, по Большой Садовой ул., д. Ильина, № 16.

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 1 р.

(261)

Отъ Редакціи.

НАШИМЪ ГОРОДСКИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.—Нашъ журналъ выходитъ въ свѣтъ 1, 8, 15 и 23 чиселъ каждаго мѣсяца, утромъ, и доставляется гг. подписчикамъ въ самый день выхода. Просимъ покорнѣйше гг. подписчиковъ не отказать намъ въ увѣдомленіи, въ случаѣ, если журналъ будетъ доставленъ имъ позже полудня подлежащаго числа; при этомъ просимъ также о точномъ и полномъ обозначеніи имени и адреса г. подписчика.

НАШИМЪ ИНОГОРОДНЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.—Журналъ нашъ разсылается въ провинцію по 2 номера вмѣстѣ (Модный и Литературный), тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ. Гг. подписчики, получающіе его поздно или не получившіе вовсе нѣкоторыхъ номеровъ, благоволятъ обращаться въ ближайшую почтовую контору, съ требованіемъ свидѣтельства г. почтмейстера въ недоставленіи въ контору экспедиціи номеровъ журнала. Свидѣтельство это просимъ пересылать намъ, для представленія онаго въ С.-Петербургскій почтамтъ. Только такимъ образомъ гг. подписчики дадутъ намъ возможность наблюсти за правильною разсылкою нашего изданія.

(262)

Главная Контора Редакціи (ГЕРМАНЪ ГОППЕ) находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, въ д. Ильина, № 16.

Доводено конторою. С.-Петербургъ, 4 Февраля 1871 г.

Издатель Германъ Гоппе.—Редакторъ Ю. Померанцева.

Типографія А. М. Котомина. Невск. просп. 1. № 18.

ПОДПИСКА

НА ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1871 году,

принимается: въ Ташкентѣ въ Редакціи Туркестанскихъ Вѣд. (противъ Окружнаго Штаба, д. Домашнева) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева (въ домѣ Первущина, рядомъ съ его магазиномъ). Въ С.-Петербургѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Вазунова и Звонарева; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Соловьева; въ Оренбургѣ—въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

Гг. уже подписавшіеся на Туркестанскія Вѣдомости въ 1870 году, будутъ получать вѣдомости до 1-го Мая 1871 года. Съ 1-го же Мая 1871 года будетъ открыта для нихъ дополнительная подписка на остальные 8 мѣсяцевъ 1871 года.

Цѣна за «ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ»:

На годъ. . . . . 7 р. с. съ перес.

На полъ-года. . . . . 4 " " "

ПРИЛОЖЕНІЯ на сартовскомъ и киргизскомъ языкахъ издаются отдѣльно, и выходятъ въ неопредѣленные сроки (отъ 24-хъ до 36-ти номеровъ въ годъ).

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ—2 р. 30 к. с. съ пересылкою. (263).

Д-РА ЯКОБСОНА

НЕСЕССЕРЪ ДЛЯ МѢТКИ БѢЛЫХЪ,

ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

красную и черную не смаывающіяся краски, шаблоны, кисти и проч.

ЦѢНА 1 РУБ. 15 КОП. СЕР.

пересылка за 2 фунта.

Продается въ Антекѣ Гильзена, въ С.-Петербургѣ, у Аничкова моста, д. Мѣдиковой. (258) 4—3.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ.

DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю тщательно исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебелщиковъ, но и для любителей.

Цѣна Альбому, 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у издателя-продавателя Германа Гоппе, на Большой Садовой въ д. Ильина, № 16. (259).